

Стеклоянный щит

Том I. Узкий коридор

Тимофей Постников

Стеклянный щит.
Том I. Узкий коридор

«Автор»

2026

Постников Т. И.

Стеклянный щит. Том I. Узкий коридор / Т. И. Постников —
«Автор», 2026

У сэра Юлиана Грея нет ни земли, ни богатства — только больное колено после службы, старый меч и семья, держащаяся на грани нищеты. В мире, где лорды диктуют правила, а свобода — лишь иллюзия, ему приходится выбирать «узкий коридор»: соглашаться на любую работу, терпеть унижения и сражаться за каждый пятак. Но когда над домом нависает угроза, а старые враги напоминают о себе, стеклянный щит его иронии и выдержки подвергается настоящему испытанию.

Содержание

Стеклянный щит	5
Часть I	6
Глава 1. Дом, который ещё дышит	7
Глава 2. За холмом	19
Глава 3. Хлеб и шпоры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стеклянный щит. Том I. Узкий коридор

Стеклянный щит

«Выбрали не свободу. Выбрали узкий коридор, в котором вас ещё видно.»

<i>лорд Хартли</i>

Том I. Узкий коридор

Часть I

Дом, который ещё дышит

Запись писца.

Имя Грея сначала писали на полях и в шутках у колодца. Потом — в списках турнира, без земли, но с ударом. Кто видел его в те дни, говорил: человек ещё возвращался к ужину. Это важно запомнить. Дальше возвращаться станет некуда.

Глава 1. Дом, который ещё дышит

Утро пахло сырым пеплом и варёным ячменём.

Изабель уже стояла у очага, когда Юлиан спустился. Волосы собраны узлом наспех, рукава закатаны по локоть, на запястье — сырой след от ночной воды. Она мешала кашу коротко и быстро.

— Сядь, — сказала она, не глядя. — Колено сегодня слышно по ступенькам.

— Значит, я хотя бы на что-то гожусь с утра, — отозвался Юлиан. — На лестницу. Редкая карьера.

Изабель тихо фыркнула и сняла котел с огня. Пар ударил в лицо. Она разложила похлёбку по трём мискам: Селии погуще, Робину — с доньшком пригоревшего, Юлиану — пожиже. Свою не поставила. Облизала ложку и повесила её на гвоздь.

— Три яйца вчера выменяла на штопку. Два вам. Одно — хозяйке Уэллсов, иначе к корыту не подпустят.

— Женщина знает цену яйцу, — сказал Юлиан. — Это почти политика.

Сверху послышались шаги. Сначала лёгкие — Селия. Потом сонные — Робин. Изабель обернулась к лестнице быстрее, чем к котлу.

— Доброе утро, мои богачи. Каша сегодня почти царская. Если очень захотеть.

Селия вошла в шали цвета речной воды. Робин — с вихром светлых волос набок.

— Можно на мечях? — спросил он вместо приветствия.

— Можно сесть, — сказала Изабель. — Мечи любят тех, кто не падает носом в миску.

Робин сел. Селия тоже. Юлиан опустил на лавку осторожнее обычного и вытянул левую ногу вбок. Ночь была сырой — этого хватало. Он взялся за ложку раньше, чем жест успел стать разговором.

Изабель сунула ему в ладонь кусок вчерашнего хлеба.

— Раздели.

— Как приказ лорда, — сказал он. — Только хлеб честнее.

Она поправила ему ворот куртки — привычным, коротким движением — и уже тянула плащ.

— К сумеркам буду. Если Уэллсы не решат, что день длиною в их бельё.

— Тогда передай им от меня поклон. Глубокий. До пола.

— Лучше поешь.

Она чмокнула Селию в макушку, взъерошила Робину волосы и вышла. Дверь хлопнула. В сенях мелькнул край мокрого плаща.

На столе остались три миски. Пар ещё держался.

Юлиан поднял ложку.

— За крышу без капли. За кашу без бунта. И за Робина, который вчера почти подружился с огнём.

— Я просто дул, — пробормотал Робин.

— Все великие истории с этого начинаются.

Селия улыбнулась в миску. Юлиан улыбнулся ей в ответ и принялся есть медленнее остальных.

За окном моросил мелкий дождь — нудная серая пыль в щели и швы камня. Дом был невелик: две комнаты внизу, чердак, очаг. Бабушка Эдит называла его «нашим камнем». Теперь на языке соседей это был двор Корбинов. Имя Грея оставалось при Юлиане отдельно.

После еды он отправил Робина к колодцу и сам занялся мисками. Вода ледяная. Пальцы побелели быстро. У двери от сквозняка слабо звякнула кольчуга на крюке — пустая, но всё равно с весом в звуке. Три месяца назад, после посвящения, этот вес он нёс на себе до коня под чужие аплодисменты. Семьдесят шесть килограммов под железом. Дошёл. Как — помнил телом лучше, чем головой.

Селия вытирала стол краем шали.

— Ты опять оставил почти всё.

— Оставляю на потом. Для торжественного случая. Например, для второго завтрака, которого у нас нет.

— Юлиан.

— Если начнёшь меня откармливать, я стану круглым и скучным. Лорд Хартли и так подозревает, что я стою меньше шпоры. Круглым я буду стоять ещё меньше: меня начнут принимать за бочку.

Селия смотрела на него дольше, чем требовал разговор. Потом спросила тихо:

— Сегодня кто-нибудь будет?

Юлиан моргнул и рассмеялся.

— Король. С трубачами. И павлином. Скажи Робину вымыть уши — вдруг пригодятся.

Он легонько тронул её плечо.

— В такую морось даже долги ползут медленно. Никто не придет.

Селия кивнула — не споря, и не совсем веря — и ушла наверх чинить Робину рукав.

Кухня стала просторной.

Юлиан доскрёб нагар со стенки котла, поправил щепку в углях, поднял с пола крошку. Потом остановился у стола, оперся ладонями о край и слушал дождь в ставне. Мышь скреблась в стене. Он не прогонял.

Комната, где теперь спал он, когда-то принадлежала Эдит Уитмор. Об этом он не думал каждое утро. Только в такие паузы, когда дом ещё не успел заполнить себя чужими голосами, мысль сама находила дорогу: дров тогда тоже было мало; «завтра» он обещал слишком легко.

На дворе звякнуло ведро. Робин чертыхнулся.

Юлиан выпрямился, провёл ладонью по лицу и вышел в сени. На пороге сустав коротко отозвался — знакомо, без драмы. Он перенёс вес и поправил сапог, будто в том и было дело.

— Живой? — крикнул он. — Или колодец берёт дань младшими Корбинами?

— Ведро тяжёлое!

— Значит, вода уважает тебя. Хороший знак.

Во дворе грязь сразу взяла подошвы. Дождь осел на белых волосах и приклеил пряди к вискам. Дом снаружи был честен: облупившаяся известь, просевшая кровля над чуланом, дрова — если считать без надежды — ненадолго. За плетнём чернело несеянное поле.

Робин тащил ведро обеими руками. Вода плескалась на штаны.

Юлиан забрал ведро. Тяжесть ушла влево неприятным толчком; он выровнялся сразу и улыбнулся Робину, как ни в чём не бывало.

— Если бы орден давали за воду, ты уже ехал бы со знаменем.

Робин вспыхнул гордостью так просто, что Юлиану стало легче и тяжелее разом.

Они не дошли до порога, когда из-за ольховой гряды выехал всадник.

Лошадь сытая, попона с нашивкой Хартли: серый олень на зелёном. Плащ на всаднике сухой на вид. Даже издали было ясно — дорога для него была другой, чем для их сапог.

Юлиан поставил ведро.

— Робин. Зайди в дом. И сестру позови с лестницы, если торчит у окна.

— Кто это?

— Гость с сухими ногами. Редкость. Не будем его пугать зрелищем наших луж.

Он подтолкнул мальчика к двери мягко, почти шутя. Дверь закрылась. Юлиан остался во дворе один — высокий, лёгкий для своего роста, без меча. Меч висел внутри. Здесь он был бы лишним словом.

Всадник спешил у плетня, не въезжая в грязь.

— Сэр Юлиан. Управляющий передаёт привет и сожаление о погоде.

Юлиан поклонился ровно настолько, чтобы это выглядело учтивостью.

— Передайте, что погода у нас своя, домашняя. Мы к ней привыкли.

Гость достал свёрток: кожа, воск, оттиск оленя.

— Срок милости по двору Корбинов истекает в Мартинов день. Лорд напоминает. Дом и участок возвращаются к манору. После срока — семь дней устроить вещи.

Юлиан взял свёрток. Воск холодил пальцы. От воды они и так онемели.

— Вещи, — повторил он спокойно. — Мы народ собранный. Нас недолго устраивать.

— Лорд предлагает сэру Юлиану службу в гарнизоне. Стол. Крыша. Жалованье по уставу. Брата — в конюшни. Девочку — к экономке. Вдове Корбин — место у прачек, если справится.

Дождь шевелил гриву лошади.

— Щедро, — сказал Юлиан. — Почти празднично для такого утра.

— Молодость любит лёгкие слова, — заметил гость без злобы. — Мартинов день — нет. Прочтите. Распишитесь. Или крест... если удобнее.

Взгляд скользнул по штопаной куртке, по худым запястьям, по мокрым белым волосам.

Юлиан улыбнулся чуть шире.

— Чернила удобнее. Пока они есть.

Свёрток он не распечатал. Сургуч целовал ладонь сквозь кожу — достаточно.

Гость сел в седло и кивнул на кровлю.

— Дымоход слабоват к зиме.

— Мы его знаем, — сказал Юлиан. — Он нас тоже.

Когда лошадь скрылась между ольхами, Юлиан ещё стоял во дворе со свёртком. Потом вошёл.

Селия стояла у стола.

— Кто это был?

— Человек Хартли, — сказал Юлиан просто. — Привёз письмо. Ничего срочного на вид. Сначала обсушим, потом прочтём — бумага сырости не любит.

Робин из-за её плеча вытянул шею.

— А про говядину не говорил?

— Про говядину все молчат до последнего, — ответил Юлиан. — Это их военная хитрость.

Он повесил свёрток на крюк рядом с кольчугой и прошёл к очагу. Угли приняли щепку неохотно. Он опёрся ладонью о камень, поправляя полено. Селия смотрела на крюк, не на его ногу.

За стеной дождь крепчал. Дом тянул сырость в швы. Свёрток висел тихо — до сумерек, до шагов Изабель в сенях, до часа, когда слова из воска придётся произнести вслух.

К сумеркам морось не кончилась — только стала тяжелее, крупнее, будто день наконец набрал вес.

Изабель вернулась, когда в очаге уже сидели угли, а не пламя. Плащ темнел водой по плечам. В корзине у локтя глухо стукнуло что-то небольшое — не пусто, и на этом можно было выдохнуть.

Селия вскочила первой.

— Мама.

— Живая, целая и даже с добычей, — сказала Изабель, стряхивая капли с волос. — Уэллсы сегодня были щедры до подозрительности. Дали конец сыра. Наверное, сговорились нас приручить.

Робин сразу потянулся к корзине. Юлиан забрал у матери плащ, развесил его у огня так, чтобы пар шёл в сторону, не в лица, и только потом встретился с ней глазами.

Она смотрела не на него — на крюк у двери. На свёрток рядом с кольчугой. Секунда. Не дольше.

— Письмо, — сказал Юлиан ровно. — С утра. От Хартли.

— А я думала, наконец прислали нам солнце, — отозвалась Изабель и улыбнулась детям. — Ну ничего. Солнце подождёт. Сначала сыр, потом государственные дела. Робин, принеси нож. Селия — миски. Будем богачами четверть часа.

Они сели. Сыр оказался суховатым, но настоящим. Робин ел быстро. Селия — медленнее, иногда поднимая взгляд то на мать, то на брата. Юлиан отломил себе меньше остальных и сделал вид, что это от пресыщения.

Когда крошки были собраны и Робин начал клевать носом у стола, Изабель мягко выпроводила обоих наверх:

— Руки вымыть. Молитвы. И никаких мечей во сне — соседям и так беспокойно от нашей крыши.

Селия задержалась на ступеньке.

— Письмо...

— Письмо никуда не убежит, — сказала Изабель спокойно. — В отличие от сна. Иди.

Когда сверху стихли шаги, кухня снова стала проще: огонь, мокрый плащ, два взрослых человека и чужой воск на крюке.

Юлиан снял свёрток и положил на стол. Не распечатал сразу. Дал матери сесть. Сам остался стоять — так легче держать плечи ровно.

Изабель развязала кожаный ремешок привычными пальцами, без спешки. Воск треснул тихо. Она читала молча. Губы не двигались. Только однажды брови чуть сошлись — и снова разошлись, будто сами себя одёрнули.

Дочитала. Сложила лист обратно вдоль старых сгибов. Посмотрела на Юлиана.

— Мартинов день, — сказала она.

— И семь дней после, — кивнул он. — Устроить вещи.

— Вещи, — повторила Изабель и коротко усмехнулась. — Хорошее слово. Как будто мы фарфор.

Она провела пальцем по оттиску оленя.

— Про службу сказал?

— Сказал. Мне — гарнизон. Робину — конюшни. Селии — экономка. Тебе — прачки, если справишься.

Изабель кивнула так, словно речь шла о цене на муку.

— Прачки я и так умею. Это они ещё не знают, какое им счастье предлагают.

Юлиан хотел ответить шуткой — привычной, готовой — и не нашёл нужной длины. Вместо этого спросил тише:

— Детям завтра?

— Не завтра, — сказала Изабель. — Пусть ещё поспят в доме, который считают своим. А нам с тобой — считать дни до Мартина: сколько дров осталось, хватит ли муки, что ещё можно выменять до холодов.

Юлиан кивнул на кровлю над чуланом.

— Гость сказал, дымоход к зиме слабый. И он прав. Если печь начнёт дымить в комнату, ночами тут не усидишь.

— Тогда завтра посмотрим щели, пока дождь позволит, — сказала Изабель. — И штабель во дворе пересчитаем без надежды. Лучше знать сейчас, чем мёрзнуть вслепую.

Она поднялась, поставила свёрток на край полки — уже не на крюк рядом с кольчугой — и принялась отжимать мокрые рукава.

— Юлиан.

— Да.

— Ты сегодня ел?

— Ел.

— Правда?

Он чуть задержал ответ.

— Достаточно.

Изабель не спорила. Только налила в котел немного воды на утро и тихо сказала в огонь:

— Тогда и я достаточно.

Дождь барабанил по ставне ровнее. В доме пахло сыростью, мокрым сукном и пеплом. Мартинов день ещё не наступил — но срок уже лёг на стол вместе с письмом: дрова, мука, дымоход и семь дней «устроить вещи».

К утру дождь выдохся. Осталась только сырость в земле и тяжесть в воздухе, будто ночь забыла унести свою воду.

Юлиан вышел во двор босиком, пока дети ещё спали. Штабель дров у плетня выглядел честнее при свете: не «на десять дней», как он говорил себе вчера, а меньше. Он перекладывал поленья одно за другим, считая вслух шёпотом, без театра.

— Двадцать четыре, — договорил он и остановился. — Нет. Двадцать два. Два гнилых.

Изабель появилась с плащом на плечах, хотя дождя уже не было. В руках — кусок мела, выпрошенный когда-то у Уэллсов «на метки».

— Ну? — спросила она.

— Если жечь по-вчерашнему — до Мартина не дотянуть, — сказал Юлиан. — Если жечь реже — дотянем. И замёрзнем чуть раньше, чем останемся без дыма.

Изабель кивнула так, словно речь шла о длине нитки.

— Тогда сегодняшнюю щепу — под котёл, не под красоту огня. И вечером без лишнего полена «для уюта». Уют нас не согреет, если дрова кончатся на неделе.

Они подошли к стене у очажного выхода. Дымоход снаружи был обмазан глиной давно и плохо: трещины тонкие, как волоски, но к зиме волоски становятся дырами. Юлиан провёл ладонью по шву. Глина осыпалась ему в ладонь мелкой пылью.

— Поправим, — сказала Изабель. — Не навечно. На сколько хватит.

— На сколько хватит, — повторил он и чуть улыбнулся. — Любимый срок в нашем доме.

Из сеней послышался голос Робина — уже громкий, уже голодный. Селия шикнула на него так, как шикают только старшие сёстры. Изабель взглянула на дверь, потом на сына.

— Им пока ничего, — сказала она не вопросом.

— Пока, — отозвался Юлиан.

Завтрак был тем же ячменем, только без вчерашнего пара торжества. Робин рассказывал сон про коня. Селия молча смотрела, как мать крошит остаток сыра так тонко, будто из него можно сделать неделю. Юлиан подставил миску и сказал:

— Сегодня я к мельнице. Не за мукой — её у нас нет. За слухами. Слухи сейчас дешевле зерна.

Селия подняла глаза.

— Какие слухи?

— Обычные, — сказал он легко. — Кто сколько берёт за работу. Кто не берёт вовсе. Рыцарская разведка. Очень грязная. Без знамён.

Изабель не спорила при детях. Только, провожая его взглядом к двери, коротко спросила:

— Надолго?

— До полудня. Если дорога не решит, что я ей должен ещё час.

Он надел куртку, проверил, что письмо осталось на полке — не с собой, не напоказ — и вышел.

Дорога к мельнице после дождя была одной сплошной обидой для сапог. Юлиан шёл осторожно, но без жалости к лужам: жалость ногам не помогала. Левое колено после сырой ночи отозвалось один раз, на спуске к ручью, и снова затихло, будто решило, что сегодня не его очередь.

Мельница Хартли стояла ниже села, где вода ещё имела силу. У закровов уже толклись двое мужиков и мальчишка с пустым мешком. Юлиан не лез в очередь. Встал сбоку, где суше, и ждал, пока мельник вытрет руки о фартук.

— Сэр Юлиан, — сказал мельник без удивления. В малом краю новый титул приживался медленно, как чужой сапог. — Хлеба принёс? Или аппетит?

— Аппетит всегда при мне, — отозвался Юлиан. — А вот насчёт хлеба — вопрос к вам. Есть ли у кого работа на недели две? Не на праздник. На руки. На спину. На всё, что ещё не сломано.

Мельник покосился на мужиков, потом кивнул в сторону дороги к манору.

— У Хартли набор в гарнизон. Кормят. Платят мало, но платят. Говорят, даже Греям место найдётся — раз уж посвятили.

Юлиан улыбнулся так, будто услышал хорошую шутку.

— Нашли. Ещё вчера. Я пришёл спросить, нет ли чего кроме гарнизона. Люблю разнообразие.

Один из мужиков хмыкнул.

— Разнообразие нынче такое: либо служат лорду, либо должны лорду. Третьего мало.

— А Уитморы? — спросил Юлиан почти между делом, будто имя упало само. — Хью. Уолтер. Не слышать, в краю ли?

Мельник почесал щеку.

— Хью зимовал у Эшфорда, за холмом. Уолтера давно не видали. Уитморы к Корбинам редко ходят. Родня — не значит дорога короткая.

Юлиан кивнул, будто это было ожидаемо.

— За холмом — не край света. Спасибо.

Он уже разворачивался, когда мельник добавил тише, для него одного:

— Сэр Юлиан. Если про двор Корбинов спрашиваете работу — знайте: в селе уже шепчутся. Не зло. Просто шепчутся. Бумага от манора ноги имеет быстрее гонца.

Юлиан задержал улыбку ровно настолько, чтобы она не дрогнула.

— Бумага всегда торопится. Люди — реже. Доброго дня.

Обратно он шёл быстрее. Не от страха — от счёта. Если село уже знает, Селия узнает от чужого рта раньше, чем от их. А чужой рот не умеет класть слова мягко.

У плетня его ждала Изабель с ведром глины. На щеке — серый мазок. Вид был рабочий, почти весёлый.

— Ну? — спросила она. — Слухи сыты?

— Сыты и быстры, — сказал Юлиан. — В селе уже знают про бумагу. Не подробно. Достаточно, чтобы завтра спросили Селию у колодца «правдой».

Изабель поставила ведро.

— Тогда вечером скажем сами. Коротко. Без гарниzona в первой фразе.

— Без гарниzona, — согласился он. — Сначала дом. Потом — что будет после дома.

Она молчала секунду, глядя на трещины в глине.

— И про Уитморов?

— Хью у Эшфорда. За холмом. Уолтера нет.

— Хью любит приезжать, когда стол уже накрыт, — сказала Изабель без злости, почти устало. — Но если позвать раньше — вдруг решит, что опоздал бы хуже.

Юлиан вытер ладонь о штаны.

— Завтра с рассветом пойду. Пешком. Конь нам пока сказка.

— Возьми хлеб, — сказала она. — И не обещай ему ничего от нашего имени, пока не услышишь его. Уитморовы слышат лучше, когда им не должны заранее.

Из дома выглянула Селия.

— Вы снова про крышу? — спросила она, кивнув на глину.

— Про крышу, — ответил Юлиан быстро. — Самая романтическая тема после каши.

Селия не улыбнулась. Но и не спросила про письмо. Только постояла, будто взвешивала воздух, и скрылась обратно.

До вечера они мазали щели. Глина холодела на пальцах, липла под ногти, пахла рекой и двором. Робин таскал воду и гордился каждым ведром. Юлиан ставил его дальше от стены, где не поскользнуться, и хвалил коротко, по делу.

Когда солнце село за ольхи, кухня снова собрала всех четырёх. Огонь был меньше вчерашнего — по новому счёту. Изабель поставила на стол миски, села сама и только тогда сказала:

— Есть новость. Не страшная так, чтобы кричать. Но взрослая. Слушайте до конца.

Робин выпрямился сразу. Селия сложила руки на коленях.

Изабель говорила ровно: про Мартинов день, про возврат двора манору, про семь дней после. Не про прачек. Не про конюшни. Не про то, как лорд «устраивает» людей по полочкам. Юлиан молчал и смотрел не на письмо — на лица.

Робин моргнул.

— Мы куда пойдём?

— Пока — никуда, — сказал Юлиан. — Сначала доживём до срока умно. Потом выберем дорогу, а не убежим в первую лужу.

Селия смотрела на мать.

— Вы знали с утра.

Это не был вопрос-обвинение. Скорее проверка.

— Знали, — сказала Изабель. — Хотели дать вам один обычный день. Вышел неполный. Извини.

Селия кивнула. Глаза сухие. Слишком сухие для четырнадцати.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда скажите, что можно делать руками. Я не хочу только сидеть и ждать Мартина.

Юлиан почувствовал, как внутри что-то сдвинулось — не боль, не страх, а уважение, тяжёлое и ясное.

— Можно, — сказал он. — Завтра я к Хью Уитмору. Ты с матерью — по дому и по дровам. Робин — вода и щепка. Никто не геройствует в одиночку. Геройства у нас на складе нет.

Робин шмыгнул носом — не от слёз, от важности.

— Я могу, — сказал он.

— Знаю, — ответил Юлиан.

Ночь села рано. Письмо осталось на полке. Трещины в дымоходе закрыли глиной — некрасиво, но плотно. Во дворе штабель был пересчитан без надежды и оттого казался чуть легче на душе: врать себе о дровах они больше не стали.

Перед сном Юлиан остановился у двери комнаты, где когда-то доживала Эдит Уитмор, и коротко коснулся косяка пальцами — не молитвой, не обещанием. Просто знаком, что завтра будет дорога за холм, и возвращаться нужно с чем-то лучше пустых рук.

За стеной Робин шептал Селии про коня из сна. Селия отвечала тихо. Изабель гасила лишний уголёк.

Дом ещё дышал. Пока — на их счёт.

Глава 2. За холмом

Рассвет был серый, без обещаний.

Юлиан вышел, пока Робин ещё дышал ртом в подушку, а Селия только повернулась на бок. Изабель сунула ему в руки хлеб, завёрнутый в тряпицу, и глиняную флягу с водой. Плащ накинула на плечи сама — коротко, по-деловому, будто снаряжала не сына, а подёнщика.

— Если Хью начнёт говорить красиво, — сказала она, — слушай до конца. Красивые речи у Уитморов всегда с хвостом.

— А если начнёт говорить плохо?

— Тогда тоже слушай. Плохие речи короче.

Она не обнимала его у порога. Только кивнула на дорогу и вернулась к очагу, где угли ещё не имели права гореть щедро.

Холм после дождей раскис. Юлиан шёл пешком, считая не вёрсты — дыхание. Куртка промокла по подолу от высокой травы. На подъёме левое колено один раз напомнило о себе тупой тяжестью; он сбавил шаг, перенёс вес и пошёл дальше, не давая мысли развернуться.

За холмом земля была суше и чужая. Дымы над дворами вставали ровнее. У Эшфорда плетни чинили вовремя, а собаки лаяли сытые.

Двор, где зимовал Хью Уитмор, нашли по указанию мальчишки у колодца: «Там, где лошадь пятнистая и дядька орёт на батрака без злости». Лошадь оказалась на месте. Орань — тоже.

Хью стоял у конюшни в хорошем суконном кафтане, не богатом, но цельном. Ему было под пятьдесят. Лицо широкое, рот привыкший командовать мелочами. В Юлиане он узнал не сразу — или сделал вид.

— Белые волосы, — сказал наконец. — Значит, Грей. Или призрак Эдит. Надеюсь, первое.

— Первое, — ответил Юлиан и поклонился ровно столько, сколько требует кровь, и нисколько больше. — Дядя.

Хью смотрел на его сапоги, на тонкие запястья, на отсутствие коня.

— Дошёл. Уже достижение. Заходи, пока не решил, что я обязан кормить всех племянников подряд.

В доме пахло пивом и конским мылом. Хью налил Юлиану кружку, себе — тоже, и сел так, будто стол принадлежал ему даже в чужом дворе. Слушал молча: про Мартина, про бумагу Хартли, про семь дней, про то, что гарнизон есть, а дома — нет. Юлиан говорил без жалоб.

Фактами. Шутку вставил один раз — лёгкую, чтобы не выглядеть нищим с протянутой душой. Хью её не подхватил.

Когда Юлиан замолчал, Хью долго вертел кружку.

— Изабель сама не пришла.

— Она работает. И держит дом, пока дом ещё есть.

— Всегда работала, — сказал Хью. — Наша сестра умеет улыбаться так, что долги стыдятся постучать. Жаль, долги учатся быстро.

Он встал, прошёл к оконцу, вернулся.

— Уолтера не жди. Уолтер теперь там, где ему выгоднее притворяться занятым. Я — здесь. И я не Хартли. Крышу манора вам не выторгую.

— Я не про манор, — сказал Юлиан. — Про зиму. Про место, где Селия не будет спать под чужой экономкой с первой же недели.

Хью хмыкнул.

— Прямо говоришь. Хорошо. Прямота в родне редка.

Он помолчал ещё — уже расчётливо.

— У Эшфорда есть пустой флигель у заднего плетня. Там жили стригуны, потом хранили сети, потом забили доской и забыли. Крыша целая. Очаг маленький. Вши, возможно, тоже. Хозяин Эшфорд мне должен за трёх лошадей и одну неловкую правду. Я скажу, что вселю туда родичей на срок — до весны или до его новой милости. Не дольше. И не бесплатно для вас в смысле поведения: никаких ссор с его людьми, никакого шума про «несправедливость Хартли» на его дворе. Эшфорд любит тишину сильнее справедливости.

Юлиан кивнул сразу — слишком сразу, и сам это почувствовал.

— Примем. И спасибо.

— Спасибо рано, — отрезал Хью. — Сначала посмотрим флигель. Потом скажешь спасибо, если не передумаешь дышать там.

Флигель стоял к северу от господских строений: низкий, длинный, с одной дверью и двумя узкими окнами. Внутри пахло пылью, сухой травой и старым дымом. Пол — утрамбованная земля. В углу — очаг из камня, трещиноватый, но живой. На нарах ещё лежала чья-то забытая попона, жёсткая как закон.

Хью пнул порог сапогом.

— Здесь не умрёте к Рождеству. Это уже больше, чем обещает бумага лорда. Воду — с общего колодца, без очереди не лезьте. Дрова — свои, или покупайте у лесника Эшфорда, не воруйте из его штабеля. Я устрою вас словами. Вы устройте себя руками.

Юлиан провёл ладонью по косяку. Дерево было сухим. Не родным. Но сухим.

— Когда можно входить?

— После Мартина — официально. До Мартина — если Изабель сумеет перевезти то, что стоит перевозить, и не устроить из этого процессию. Хартли не любит, когда уходящие выглядят так, будто их прогнали при людях. Уходи тихо — и он даже кивнёт.

Хью достал из кармана маленький свёрток — не печать, не письмо: три серебряные монеты, завернутые в вощёную тряпицу.

— Это не подарок, — сказал он. — Это, чтобы вы не явились сюда босыми до полной нищеты. Вернёте, когда сможете. Или не вернёте, и я буду помнить. Уитмори умеют помнить обеими ладонями.

Юлиан взял монеты. Пальцы не дрожали. Тяжелее было другое — произнести то, что всегда застревало:

— Нам нужна эта помощь.

Хью смотрел на него чуть дольше.

— Знаю. Ты похож на Изабель, когда она моложе врал, что всё хорошо. Разница в том, что ты хотя бы дошёл за холм.

На обратной дороге небо прояснилось до бледной жести. Юлиан шёл быстрее, чем утром. Монеты стучали у груди редко и жёстко. Колено молчало. Молчала и радость — если это вообще было она. Скорее помещалось другое слово: отсрочка.

Дома его ждали не у ворот — у глиняной стены. Изабель замазывала последнюю щель. Селия держала ведро. Робин сидел на опрокинутом корыте и дул на ссадину на колене — обычную, мальчишескую.

— Ну? — спросила Изабель, не вытирая рук.

— Хью поможет, — сказал Юлиан. — Не дворец. Флигель у Эшфорда. До весны. С условиями. И вот это — в долг.

Он положил тряпицу с монетами на край ведра. Селия посмотрела на серебро так, будто оно могло укусить.

— Мы уйдём? — спросил Робин.

— После Мартина, — сказал Юлиан. — Не в никуда. За холм. Там будет крыша. Маленькая. Наша — на время.

Изабель закрыла глаза на миг — только на миг — и снова открыла уже ровные.

— Хью всегда любил выглядеть нужным, когда его наконец попросят, — сказала она. — Пусть выглядит. Нам сейчас важнее спать не под дождём.

— Он просит тишины, — добавил Юлиан. — Никаких жалоб на Хартли при людях Эшфорда.

— Тишину мы умеем, — сказала Селия неожиданно твёрдо. — Мы её почти не снимали.

Робин спрыгнул с корыта.

— А там будут лошади?

— Будут, — сказал Юлиан. — Чужие. Смотреть можно. Кормить — только если прикажут. Героем конюшни станешь позже.

Вечером они разобрали дом глазами: что брать, что оставить, что сжечь в последнюю очередь. Сундук Эдит. Две миски толще остальных. Кольчугу. Меч. Икону в углу. Попону. Мел. Чужой сыр уже был съеден; его место занял список на угольной крошке у стены.

Изабель писала имена вещей коротко. Юлиан называл вес. Селия зачёркивала лишнее раньше, чем взрослые успевали поспорить. Робин зевал и всё равно таскал верёвки ближе к двери «на всякий случай».

Когда дети ушли спать, Изабель осталась у полки с письмом Хартли.

— Значит, бумага лорда — не конец, — сказала она. — Только переезд.

— Конец был бы без Хью, — ответил Юлиан. — С Хью — чужой угол и чужой срок. Но угол.

Она кивнула на его грудь, где под курткой ещё ощущался жёсткий узел тряпицы.

— Ты попросил.

Это не было ни похвалой, ни упрёком. Просто факт, положенный на стол рядом с письмом.

— Попросил, — сказал Юлиан. — И теперь должен помнить обеими ладонями.

За стеной ветер тронул ольхи. В доме пахло глиной и остывшим хлебом. Мартинов день всё ещё стоял впереди — но уже не как обрыв. Как дата сборов.

Юлиан лёг позже всех. Перед сном слушал, как дышит старый камень двора Корбинов — в последний раз без спешки. За холмом ждал флигель со старой попоной и очагом в трещинах. Не дом мечты. Дом на срок.

Для начала этого хватало, чтобы не сломаться на первой же зиме.

Мartiнов день пришёл без труб и без снега — только с жёстким ветром с поля и с запахом мокрой листвы, которую уже некому было мести у чужих порогов.

Они выходили на рассвете, пока село ещё держало ставни закрытыми. Так велел здравый смысл, и так же — чужой совет Хью: уходи тихо, и Хартли кивнёт.

Телегу дали на день у Эшфорда. Кляча была старая, но тянула. Хью сам не приехал: прислал батрака с короткой запиской — «не торгуйтесь с рассветом». Юлиан принял и то и другое без комментариев.

Изабель последней прошлась по комнатам. Не искала забытого: они уже три дня жили среди узлов и верёвок. Она просто касалась косяков, полки, края очага — коротко, как проверяют, на месте ли зуб.

— Всё, — сказала она наконец. — Камень нас больше не кормит.

Селия вынесла сундук Эдит вдвоём с Юлианом. Дерево скрипело знакомо. Робин тащил связку мисок и спотыкался только один раз — от гордости, не от слабости. Меч Юлиан пристроил вдоль борта под попоной. Кольчугу — рядом, тяжёлую даже свёрнутой. На неё Робин покосился с завистью, которую ещё не умел прятать.

Двор Корбинов при дневном сером свете выглядел меньше. Облупившаяся известь. Просевшая кровля над чуланом. Штабель дров — доеденный до стыдного остатка. Плетень, который они чинили каждый год и всё равно не дочинили до конца.

Юлиан остановился у колодца.

Вода там была той же. Холод той же. Только руками её больше не ихняя.

— Набери, — сказала Изабель. — На дорогу. Чужой колодец подождёт.

Он набрал. Ведро стукнуло о сруб привычно. Этот звук он узнал бы среди сотни.

Селия стояла у порога и смотрела внутрь тёмной кухни, где уже не было ни мисок, ни шали на гвозде.

— Можно я... — начала она и замолчала.

— Можно, — сказал Юлиан. — Быстро.

Она вошла одна. Вышла через минуту с пустыми руками и сухими глазами. Что взяла — если взяла — он не спросил. У некоторых прощаний нет веса, который кладут в телегу.

Робин гладил клячу по морде.

— Она грустная, — заявил он.

— Она голодная, — поправил Юлиан. — Грусть и голод путают даже взрослые.

Изабель закрыла дверь. Не на засов — на привычку. Засов всё равно принадлежал бы манору к полудню.

Никто из соседей не вышел «на дорогу». Это тоже было милосердием своего рода: не смотреть, как уносят чужую жизнь узлами. Только из-за плетня Уэллсов мелькнуло лицо хозяйки — и сразу скрылось, будто ветер поправил ставень.

Юлиан сел на облучок. Изабель — рядом с узлами. Дети — в кузове между сундуком и кольчугой. Кляча протяжно вздохнула и тронулась.

Колёса взяли грязь сразу. Двор остался за спиной без жеста и без слова. Юлиан не оглядывался первую сотню шагов. Потом оглянулся — коротко.

Дымоход, который они чинили глиной, ещё держал вчерашний мазок. Дом не горел, не рушился, не кричал. Просто стоял. Как стоит вещь, у которой сменили хозяина, а она об этом ещё не знает.

— Некрасивый он, — вдруг сказал Робин. — А жалко.

— Жалко некрасивое чаще, — отозвалась Изабель. — Красивое и без нас пристроят.

Селия молчала. Пальцы её лежали на крышке сундука Эдит так, будто дерево могло уйти само.

Дорога за холм заняла утро. Ветер сушил губы. Один раз телегу занесло на спуске; Юлиан удержал клячу голосом и руками, а колено — силой привычки, не жалуясь вслух. Изабель только перехватила узел, который едва не съехал на Робина.

У Эшфорда их ждали не с хлебом-солью. Батрак указал на задний плетень кивком:

— Туда. Хозяин просил не занимать парадный двор телегами.

Флигель был тем же, что видел Юлиан: низкий, длинный, с запахом пыли и сухой травы. За ночи его всё же подчистили — не из любви, из расчёта Хью. Нарты подмели. В очаге лежали два полена, тонких, как намёк.

— Добро пожаловать, — сказал Юлиан детям с лёгкостью, которой хватало ровно на порог. — Дворец временно в ремонте. Живём в его скромном брате.

Робин забежал первым и сразу чихнул.

— Тут можно!

— Можно, — подтвердила Селия осторожнее. — Если не ждать чудес.

Изабель поставила на пол флягу с водой из старого колодца — отдельно от остального. Не как святыню. Как последнее, что ещё имело вкус «там».

Разгрузка заняла час. Сундук. Миски. Попона. Меч. Кольчуга. Икона в угол, где стена была суше. Угли разжёл Юлиан сам: дым пошёл ровно, не в лицо — значит, чужой очаг хотя бы не врал сразу.

Когда телегу увели обратно, во флигеле стало тихо по-новому. Не той тишиной двора Корбинов, где каждый скрип был знаком. Здесь тишина ещё не имела имён.

Юлиан вышел на задний плетень и посмотрел туда, откуда пришли. Холма хватало, чтобы закрыть старый дом. Это было удобно. И неправильно удобно.

Изабель подошла следом, вытирая руки о фартук.

— Всё?

— Всё, что можно было увезти, — сказал он. — Остальное теперь собственность оленя на зелёном.

Она кивнула.

— Тогда начинаем здесь. Вода. Щепа. Кто спит у двери.

— Я у двери, — сказал Юлиан. — Привычка старшего. И сквозняк мне по характеру.

Из флигеля донёсся голос Робина — уже спорящий с Селией о том, чья нары ближе к огню. Селия побеждала тихо. Робин сдавался шумно.

Юлиан чуть улыбнулся в ветер.

Старый двор Корбинов остался за холмом без них: с пустой кухней, с глиной на дымоходе и с дверью, закрытой на привычку. Новый угол пах пылью и чужим конским двором. Но в очаге уже держался огонь. Маленький, но «свой».

Для прощания этого было достаточно: уйти так, чтобы никто не услышал, как трескается внутри то, что нельзя починить глиной.

Глава 3. Хлеб и шпоры

К третьей неделе во флигеле запах пыли сдался запаху дыма и варёного лука. Это ещё не дом. Но уже не ночлег в чужой забытой постройке.

Изабель устроилась быстро — так, как умеют люди, которым нельзя ждать милости от календаря. Два дня в неделю она шла к прачкам Эшфорда: руки краснели от щёлока, спина ныла к вечеру, зато платили медяками и иногда — остатком мыла. Ещё два дня брала штопку и мелкий пошив у двора управляющего: там платили меньше, но отпускали раньше, и она успевала застать Селию и Робина за ужином не одних.

— Мне хватает, — сказала она однажды Юлиану, разбирая медяки на ладони. — На муку. На соль. На то, чтобы Робин не смотрел на чужой хлеб слишком долго. И на то, чтобы я не исчезала из дома на все светлые часы.

Юлиан кивнул. Кивок вышел короче, чем следовало.

Потому что ей хватало. А ему — нет. Не еды. Места.

Статус «сэр» в малом краю был странной монетой: её принимали с усмешкой, но отказывались разменивать на простую работу. Копать канаву рыцарю не запрещали — только смотрели так, будто он роняет не лопату, а весь дом Уитморов разом. Хью сказал это без обиняков ещё в первую неделю:

— Можешь таскать навоз. Только не при мне и не при Эшфорде. Мне тебя пристроили как родича со шпорами. Шпоры пусть хотя бы молчат красиво.

Селия после уроков чтения — Юлиан учил её по старой псалтири Эдит — однажды спросила прямо:

— А ты что будешь делать?

— Думать, — ответил он и улыбнулся. — Самая тяжёлая работа. Особенно когда думаешь правильно.

Робин предложил ему «работу героя»: охранять флигель от воров. Юлиан назначил его заместителем по дневной смене и торжественно вручил палку. Робин принял пост всерьёз. На час.

А Юлиан думал по-настоящему.

Гарнизон Хартли всё ещё ждал — стол, крыша, жалованье по уставу. И разбор семьи по чужим углам. Это был заработок ценой сдачи. Он откладывал его на край стола, как нож, до которого ещё не дошли.

Оставалось то, что полагалось безземельному со шпорами: чужая нужда в чужом мече.

На ярмарке у Эшфорда, в день святого Климента, он услышал первое. Купец из Йорка нанимал провожатых до большого тракта: двое конных, один при мече «чтоб гляделось». Платили немного, но серебром. На церковной паперти другой слух: у соседа Эшфорда, сэра Реджиналда Боуна, ищут человека поучить наследника держать щит «не как мешок». И третье, тихое, от кузнеца: весной в графстве ждут малый турнир — не королевский блеск, местная гордость. Взнос есть. Призы тоже. Для голодных шпор — и то хлеб.

Юлиан слушал, запоминал, не хватал первое попавшееся. Статус открывал дверь. За дверью мог оказаться долг тяжелее монет.

Вечером он сидел на пороге флигеля и точил меч — не от боевой нужды, от необходимости занять руки, пока голова считает. Изабель шла с работы позже обычного: щёлок выел трещинки на пальцах, но лицо держала ровным.

— Снова ярмарка? — спросила она, кивнув на его чистые от глины, но занятые металлом ладони.

— Снова уши, — сказал он. — Уши сыты слухами. Желудок слухи переваривает хуже.

Она села рядом, не касаясь его плеча.

— Назови.

— Провожатый до тракта. Учитель щита у Боуна. И турнир к весне, если доживём до взноса и если колено не решит иначе.

Изабель смотрела на дорогу к господским конюшням, где фонари уже зажигали чужие люди.

— Провожатый — быстро и грязно. Учитель — дольше и сытнее, если Боун не зверёк. Турнир — блеск. Блеск кормит редко, но кормит громко.

— Громко нас сейчас лучше не кормить, — заметил Юлиан. — Хью купил тишину. Я помню цену.

— Тогда начни с Боуна, — сказала она. — Меч в мирное время умнее держать над мальчишкой, чем над чужим обозом. Обоз любит ночные сюрпризы. Мальчишка — синяки. Синяки дешевле похорон.

Юлиан тихо фыркнул.

— Мать говорит, как маршал.

— Мать говорит, как женщина, у которой двое детей спят за спиной и один взрослый сын точит железо вместо ужина.

Он сунул хлеб в рот именно затем, чтобы она отстала — и потому что она была права.

На другой день он пошёл к двору Боуна пешком, в лучшей куртке, какая у них осталась, с мечом у бедра. Не для угрозы. Для читаемости: сэр Юлиан Грей, безземельный, но не батрак.

У ворот его держали достаточно долго, чтобы успеть передумать. Он не передумал.

Сэра Реджиналда он застал в настроении человека, которому нужен результат к Рождеству, а не родословная учителя. Наследнику, Осберту, было двенадцать: мягкие руки, жёсткий подбородок, взгляд вполглаза на чужие шпоры.

— Держать щит он умеет, — сказал Боун. — Падать красиво — нет. Научи не падать. Или падать так, чтобы вставал сам. Три дня в неделю. Стол в дни уроков. Жалованье — по пятницам. Если мальчик заорёт на тебя как на пса — терпи. Если ты заорёшь на него как на пса — уходи без пятницы.

Юлиан поклонился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.